

7. Борьба за Генеральную линию

Неизбежное свершилось с приходом к власти Горбачева. Новое руководство проявило интерес к новым идеям. В декабре 1985 г. «Коммунист» предоставил свои страницы для «ревизионистской статьи» своего зав. отделом истории Ю.Афанасьева «Прошлое и мы».

АФАНАСЬЕВ Юрий Николаевич

1934 года рождения. Отец — рабочий, воспитанник детского дома, мать — сельская учительница. Окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1957 году.

После окончания университета поехал на строительство Красноярской ГЭС (г. Дивногорск). Был инструктором райкома ВЛКСМ, а затем секретарем комитета комсомола. Стал кандидатом в члены КПСС, но по истечении кандидатского срока его не приняли автоматически в партию (как это обычно бывало) и перевели со строительства ГЭС на комсомольскую работу в г. Ачинск. Причины этого в точности неизвестны, но, так как из аппарата ВЛКСМ он изгнан не был, по-видимому, проступки его не были слишком серьезными. В 1961 году Афанасьев уже беспрепятственно вступил в КПСС и после недолгого пребывания по-прежнему на комсомольских должностях в Красноярске в 1964 году переведен на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ в Москве.

В аппарате ЦК ВЛКСМ проработал до 1968 года. Был, в числе прочего, председателем Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации.

В 1968—1971 годах учился в аспирантуре на кафедре истории Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1971—1982 годах был проректором Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Во время подготовки кандидатской (1971 год), а затем докторской (1981 год) диссертаций дважды проходил стажировку в Сорбонне. Тема кандидатской диссертации: «Современная французская буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции», тема докторской: «Французская историческая школа “Анналов” в современной французской буржуазной историографии, 1929—1979 годы (критический анализ эволюции теоретико-методологических основ)». С 1983 года — профессор.

В 1981—1986 годах работал в Институте Всеобщей истории АН СССР — сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором. Был уволен с формулировкой «по сокращению штатов». Параллельно с 1983 по 1986 год был членом редколлегии и редактором по отделу истории в журнале ЦК КПСС «Коммунист».

В декабре 1986 года стал ректором Московского историко-архивного института. Добился его преобразования с декабря 1991 года в Российский государственный гуманитарный университет.

С 1987 года приобрел широкую известность благодаря публикации ряда статей с критикой ортодоксально-коммунистических представлений об истории СССР. В 1988 г. под давлением общественности избран делегатом XIX конференции КПСС. С 1989 г. — сопредседатель «Мемориала».

В 1988 г. один из инициаторов создания клуба «Московская трибуна».

В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР. В июне 1989 года участвовал в создании Межрегиональной депутатской группы (МДГ), а 30 июля был избран членом Координационного Совета (КС) МДГ и одним из пяти ее сопредседателей.

В 1990—1992 гг. — один из 6 сопредседателей Движения «Демократическая Россия».

В 1991—1993 гг. — народный депутат России. В апреле 1992 года Афанасьев заявил о своем переходе в конструктивную оппозицию по отношению к правительству Президента Ельцина.

Член совета учредителей газеты «Московские новости».

Афанасьев начинает свое рассуждение в статье «Прошлое и мы» с разъяснения того, что без объективной исторической науки общество так и не сможет понять, где оно находится. Задача, поставленная Андроповым, по-прежнему актуальна. Это тем более важно именно сейчас, когда, «идя навстречу XXVII съезду КПСС, мы пытаемся определить более отдаленные перспективы совершенствования основных звеньев и структур советского общества, заглянуть уже в XXI век. Впереди у нас преодоление, может быть, наиболее важного рубежа — достижение нового качественного состояния общества»¹⁸¹. Прыгать через такой рубеж, не зная, что за ним, — смертельно опасно. «Как амнезия — потеря памяти — разрушает индивидуальную человеческую личность, так историческая амнезия разрушает общественное сознание, варваризирует и обесмысливает жизнь общества. Вспомним страшную легенду о лишенном памяти манкурте из айтматовского «Буранного полустанка». Вспомним злодеяния гитлеровских фашистов: первым шагом этих варваров в захваченных ими городах было уничтожение исторических памятников. Убить память народа — в этом стремлении одно из самых жестоких проявлений античеловеческой сущности фашизма»¹⁸². Афанасьев писал о фашистах, но статья-то посвящена не юбилею победы, а проблемам отечественной исторической науки. Следовательно, противники исторической правды сродни фашистам и творцам манкуртов в книге Ч.Айтматова.

Историческая правда горька: «Прошлое всегда достойно уважения, без этого общество утрачивает одно из главных своих качеств. Но сие ни в коей мере не означает, что его надо любить во всей совокупности... Что было, то было. И значимо поныне. Однако минувшее — прежде всего материя нашего социально-исторического размышления, а не повод для любования, умиления и самодовольства»¹⁸³. Но не о истории СССР речь. Афанасьев обрушивается на идеализацию дореволюционной деревни в книге В.Белова «Лад», вышедшей в 1984 г.: «Нравы и жизнеустройство дореволюционной русской деревни никогда не являли собой лада — без трудностей, скверностей, противоречий, суеверия и невежества»¹⁸⁴. Справедливый приговор. Но ничего не говорится о колхозной деревне. Не случайно и то, что напоминаем «о мрачных временах угнетательской бесчеловечности»¹⁸⁵, Афанасьеву служит Лобное место, а не Лубянка. Либералы вообще против драматизации коммунистического периода. Общество еще не ознакомилось с инфор-

мацией о миллионах жертв сталинского периода, а либералы уже отвечают «обличителям». Комментируя свой фильм «Мой друг Иван Лапшин», А.Герман говорил: «На 30-е гг. многое накручено, по моему. Или сплошной энтузиазм... Или это — или все наоборот... Люди во все времена одинаковые. Это обстоятельства разные»¹⁸⁶. 30-е гг. в СССР официально еще считаются одним из высших взлетов в истории человечества. Но за словами Германа чувствуется скрытая полемика с диссидентами, которые давили на либералов убийственными аргументами. Оставалось противопоставить им позицию философской мудрости. Те, кого не удивлял взгляд на время «первых пятилеток» с точки зрения «все наоборот», читали между строк: «Все-таки 30-е гг. — это не период сплошного кошмара, это тяжелое время, в котором было немало людей, которые вели себя достойно».

Но Афанасьеву еще далеко до этих проблем. Страшнее самодержавия зверя нет. «И вполне естественно, что мы не берем на себя ответственность за угнетательскую политику царского самодержавия, за злодеяния пуришкевичей и реакционность бердяевых, за корыстолюбие и узкоклассовый эгоизм российской буржуазии»¹⁸⁷.

Дальше Афанасьев обрушивается на теорию Гумилева, чутко уловив ее антизападническую направленность. Естественна неприязнь автора к «сенсационным» версиям о роли масонов в Февральской революции.

«Писатель Григорий Бакланов верно подметил, — продолжает Афанасьев, — что сейчас много говорят об истории, в сферу которой устремились толпы литераторов, а когда куда-либо устремляется толпа, то она больше вытаптывает, чем находит»¹⁸⁸. «Толпа» писателей-деревенщиков просто несопоставима по размерам с толпами журналистов-западников, которые «устремится в историю», начиная со второй половины 80-х гг., вытаптывая все на своем пути. Но все познается в сравнении.

Пафос статьи Афанасьева — не в необходимости восстановления исторической правды, а в осуждении славянофильской ревизии официальной концепции: «Бывают случаи, когда не просто некритически воспринимается, но и, более того, превозносится консервативная традиция в развитии русской общественной мысли, а революционно-демократическая традиция объявляется “западнической”»¹⁸⁹. Читатели из другого лагеря без труда увидели в этих словах, а также в призыве «стать сознательными и активными обитателями нашей планеты»¹⁹⁰ (вместо обычного «нашей Родины») явные признаки «космополитизма» и «западничества».

Но, несмотря на призыв к «глобальному мышлению»¹⁹¹ (он уже санкционирован), либерал-«западник» еще не решается взять на вооружение общечеловеческие ценности. Напротив, Афанасьев обрушивается на «“вечные”, “константные”, а по сути надысторичные величины... История революционна... И она смеется над “вечными ценностями” благонамеренных людей»¹⁹². Ценностный, а значит и нравственный релятивизм еще считается достоинством мыслителя.

По ходу дела достается и целевым программам Академии наук — они не учли (не успели) последние лозунги партии — ускорение, перестройка не отражены¹⁹³. И по контрасту с этой критикой: «Строго говоря, не существу-

ет более или менее “актуальных” сюжетов прошлого»¹⁹⁴. И тут же утверждение, что с помощью исторической науки можно будет перейти к «социальной инженерии», которая станет столь же обыденным явлением, как генная инженерия¹⁹⁵.

Раньше подобная статья в теоретическом органе партии могла быть только руководством к действию. Еще год назад подобный окрик надолго заставил замолчать Амбарцумова. Но времена меняются, и теперь «славянофилы» не собирались сдаваться. На заседании отделения истории АН статья Афанасьева подверглась резкой критике, и через несколько месяцев ему пришлось оправдываться: «Говорят, что следовало напрямую сказать о нашем патриотизме. Возможно, хотя, как мне казалось, она (статья — *А.Ш.*) вся на эту тему. Допускаются неправильные толкования слов о глобальном мышлении». Статья, написанная хлестким, обвинительным языком, превратилась в произведение «с элементами робкой критики»¹⁹⁶. Но Афанасьев не собирался переходить к обороне. Его выступление в защиту статьи на заседании отделения АН составлено в контратакующих тонах: «Правда, до обвинения меня и “Коммуниста” в немарксизме дело пока не доходило»¹⁹⁷. Кто на нас с «Коммунистом»? З.Удальцова. Специалистке по домарксистским временам хватило смелости и на это. Чтобы отбить опасный упрек, Афанасьев демонстрирует свою ортодоксальность, говоря о проблемах исторической науки: «На первое место здесь надо поставить случаи сползания с классовых, партийных позиций в оценке явлений прошлого... Замечу лишь, что особую тревогу вызывает то, что эти факты приобрели массовый характер, они не удел романистики, они множатся и в научных публикациях»¹⁹⁸. Но на дворе февраль 1986 г., и Афанасьев упоминает о «запретных темах», о необходимости дискуссий и «дерзких идей по перестройке нашей науки»¹⁹⁹. Во всех отношениях он был «свой» для новых руководителей СССР — не обгонял, но и не отставал от руководящего курса, чутко ловил ветер перемен: «Нет, не подул еще в наших стенах свежий сильный ветер в направлении нового курса партии. В этой связи как пример невольно приходят на память многие яркие выступления М.С.Горбачева и, в частности, его темпераментная, зажигательная ленинградская речь»²⁰⁰. Невольно приходят на память...

Обсуждение статьи Афанасьева лучше всяких заявлений Горбачева показывало, что идейный плюрализм выходит из курилок и «самиздата» на официальные трибуны. Генеральная линия партии указывала на возможность выбирать пусть и параллельный ей, но свой путь. Генеральная линия сама колебалась и, почувствовав это колебание, существовавшие в обществе «партии» вступили в борьбу за сердце партийного руководства. Теперь и статья в «Коммунисте» воспринималась не как позиция КПСС, а как мнение Афанасьева и стоящих за ним «сил». И потому могла публично критиковаться.

Напор «западников», чувствовавшийся на идеологическом фронте (статья «Прошлое и мы» была одним из важнейших, но не единственным достижением либералов), не обескуражил «почвенников» потому, что они тоже воспринимали курс Горбачева как свой. «Зная нынешнее, архикритическое

отношение русских националистов к экс-президенту СССР, трудно поверить в то, что приход Горачева к власти был встречен ими с подлинным энтузиазмом, — пишет В.Соловей. — Причина этого не только в избрании генсеком молодого и динамичного человека, продемонстрировавшего новый, открытый стиль политики, но также в первых его акциях, которые для националистов стали подтверждением восприимчивости нового руководства к давно высказывавшимся ими идеям»²⁰¹. Речь идет прежде всего об антиалкогольной кампании, а позднее — об отмене поворота северных рек. В 1985 г. широко праздновалось 800-летие событий, описанных в «Слове о полку Игореве». Даже журнал «Коммунист» посвятил «Слову» статью «Спустя восемь веков»²⁰². Горбачев в этот период, возможно, склонялся к поддержке патриотического крыла общественности в гораздо большей степени, чем это принято считать. Во время обсуждения вопроса о возможности разрешить лечение Е.Боннэр за границей в ответ на заявление Чебрикова о том, что жена «влияет на Сахарова на все 100%», Горбачев сказал: «Вот что такое сионизм»²⁰³.

Не удивительно, что в первый год правления Горбачева «патриоты» воспринимали новый курс с одобрением и демонстрировали верноподданические чувства, мобилизуя общественность через клубную сеть ВООПиК. Ради успеха «нового курса» литераторы-«патриоты» считали необходимым идти на жертвы, тем более, что это соответствовало их нравственному идеалу: «Страна должна сделать гигантский скачок в техническом прогрессе, а на психологии потребительства, в какой бы дозе оно не присутствовало, такой задачи не решить»²⁰⁴, — писал И.Васильев, отступая даже от традиционной для «деревенщиков» осторожности в отношении технического прогресса.

Однако также воспринимали «новый курс» и либералы-западники, которые внимательно читывались в тексты речей генсека и находили там авансы близкой им по духу политики. В 1985 г. либеральному кинематографисту Ю.Герману позволили вынести на суд зрителей фильмы «Мой друг Иван Лапшин» и «Проверка на дорогах», рассказывающие о сталинском периоде осторожно критически.

Но пока отношения либералов и партийного руководства оставались сложными. В июле А.Черняев передал А.Яковлеву рукопись романа Рыбакова «Дети Арбата». Это произведение, весьма среднее с художественной точки зрения и не всегда доказательное с позиции исторических фактов, представлялось партийным либералам четко выверенным зарядом антисталинизации — положительными героями в романе были молодые люди, настроенные коммунистически, Сталину противопоставлялся Киров и т.д. «Через неделю примерно Яковлев сам напомнил о книге. Причем, мол, “читал по ночам” (выдал себя!). И тут же начал отвлекающие ходы: много секса, много... — выразился на этот счет по русски, (как будто разговор идет по-английски — *А.Ш.*) — не помню, чтобы так было в наше время (в 30-е годы)... Рыбаков ведет дело к тому, что Кирова убил Сталин. А ведь вопрос этот еще не выяснен. И потом, не рано ли нам заниматься психологией Сталина (даже в форме художественного анализа)?»²⁰⁵ Именно в последнем

замечании была «зарыта собака». Предшествующие соображения, во многом справедливые, будут отброшены, когда руководители идеологической машины КПСС придут к выводу, что психологией Сталина заниматься «не рано». И роман Рыбакова получит «путевку в жизнь».

Различные общественные течения поддерживали традиционный для интеллигенции набор пожеланий — гласность, осторожная демократизация, учет мнения общественности. Но разногласия были более существенны. «Патриотическая» и «западническая» тенденции в своем стремлении перетянуть новое руководство страны на свою сторону были немаловажными факторами «большой политики» (социализм в силу своих незначительных внешних отличий от «генеральной линии» не сформировался в организованную силу и стал заметным фактором политической жизни уже в период Перестройки). Подобная борьба тенденций (еще не открытая, еще, скорее, — борьба настроений, колебания тех или иных членов Политбюро, не выработавших пока свою позицию на многие вопросы реформ) протекала и в Кремле. Перед страной, перед ее руководством и ее общественностью было два пути: либо продолжать курс на укрепление дисциплины, подтягивание резервов и прыжок через барьер НТР методами «второй индустриализации» — без оглядки на «потребительскую психологию» (стратегия «ускорения»), либо структурные реформы, мобилизация материальных стимулов путем проведения пусть осторожных, но рыночных реформ (стратегия «перестройки»). «Патриотическая» тенденция в этот период выступала прежде всего в защиту первого курса, «западническая» склонялась ко второму. В 1986—1987 гг. стране предстояло сделать выбор.

Примечания

1. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 471.
2. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 145. Книга У.Лакера занимает промежуточное положение между наукой и публицистикой. Характеризуя скептическое отношение русских мыслителей к западной историографии, Лакер писал: «Мысль, что вряд ли западный человек может понять Россию, была очень распространена в русской эмиграции. Вероятно, она была вызвана некомпетентными публикациями некоторых западных советологов, а также глубокими расхождениями в толковании русской истории» (С. 152). Эти слова как нельзя лучше относятся к работам самого Лакера, которые, в силу содержащихся в них преувеличений и неточностей, несомненно, укрепили немало читателей в этом мнении. Впрочем, сам Лакер видит себя в качестве обладателя истины. В этом отношении показательны его оценки подобного рода: «В публикациях Солженицына встречаются зерна истины; иногда их больше, иногда — меньше» (С. 153).
3. Верт Н. Указ. соч. С. 491.
4. Власть и оппозиция. Политический процесс в России в XX в. М., 1995. С. 256.
5. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 181, 179.
6. Экологическая политика и экологическое движение в России / Отв. ред. Яницкий О.Н. М., 1995. С. 16.

7. Там же. С. 17.
8. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. М., 1996. С. 29.
9. Там же. С. 29.
10. Там же. С. 29—31.
11. Волков П. Анатомия диссидента. Размышления эпоху спустя. Сокращенный вариант опубликован: Волков П. Предисловие к распаду империи. Споры, с которых все началось. // Солидарность. 1994. № 16. С. 8—9; Волков П. Психология диссидента. Предисловие к распаду империи // Солидарность. 1995. № 4. С. 8—9. Цитируется также по: Архив Шубина А.В. Электронный фонд. A\BOOK\PER\1978—1984.
12. Медведев Р. Книга о социалистической демократии. Амстердам, 1972. С. 65—66.
13. Шафаревич И.Р. Сочинения. М., 1994. Т. 2. С. 41.
14. 15 встреч в Останкине. М., 1989. С. 115.
15. Там же. С. 116.
16. Померанц Г. Выход из транс. М., 1995. С. 150. Ряд западных исследователей исходят из гипотезы о том, что советское государство и идеологи КПСС действовали преимущественно против либеральной тенденции, подыгрывая славянофилам. По мнению германского исследователя, ситуация позволяла славянофилам «развивать внутри официальной культуры свою официальную модель культуры», в то время как идеи «интеллигенции, воспитанной на либерализме 60-х гг. ... изолировались в публицистическом подполье». (Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970—1985. М., 1998. С. 91). Развитие событий уже в начале правления М.Горбачева показало упрощенность такой точки зрения. Она отчасти верна разве что применительно к Союзу писателей после 1979 г. (разгром «Метрополя» и общее наступление КПСС на культурном фронте). Но и в этой сфере КПСС действовала на два фронта, что показывает дело В.Пикуля (см. Главу VIII).
17. Распутин В. Байкальский пролог без эпилога // Правда. 1987. 11 марта.
18. Кто есть кто в России... С. 52.
19. Там же. С. 76—77.
20. Там же. С. 541—542.
21. Там же. С. 96—97.
22. Там же. С. 610; Солоухин В. Диалог // Литературная газета. 1964. 3 декабря.
23. Подробнее см. Кречмар Д. Указ. соч. С. 130—152.
24. Цит. по: Кузнецов Ф. Самая кровная связь. М., 1987. С. 224.
25. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 112.
26. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 282. Л. 1. Интересно, что Д.Кречмар связывает критику Пикуля с подготовкой войны в Афганистане (Кречмар Д. Указ. соч. С. 100). Зачем автору понадобилась такая экзотическая версия? Дело Пикуля противоречит распространенной версии «подыгрывания» властей славянофилам в борьбе с западниками, которую отчасти разделяет и Д.Кречмар. Ссылка на экстраординарные внешнеполитические обстоятельства должна подтвердить исключительный характер действий властей. Как видно из дальнейшего, Пикуль нарушил рамки дозволенных вольностей, что должно было повлечь реакцию властей.
27. Наш современник. 1979. № 4. С. 87.
28. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 282. Л. 1—2.
29. Кречмар Д. Указ. соч. С. 101—102.
30. 15 встреч в Останкине. С. 112.
31. Лакер У. Указ. соч. С. 138—139.
32. Померанц Г. Указ. соч.
33. Там же. С. 243.

34. Там же.
35. Там же. С. 244.
36. Там же.
37. Там же. С. 221
38. Там же. С. 241.
39. Там же. С. 279.
40. Там же.
41. Там же. С. 299.
42. Померанц Г. Сны Земли // Философия истории. Сост. Пономарев В., Гришин А. М., 1990. С. 18. Впервые опубликовано в самиздатском журнале «Левый поворот» в 1980 г.
43. Померанц Г. Выход из транса. С. 250.
44. Там же. С. 271.
45. Там же. С. 277.
46. Там же. С. 280.
47. Там же. С. 251.
48. Там же. С. 253.
49. Лерт Р. На том стою. Публикации «самиздата». М., 1991. С. 234—236, 231, 233.
50. Пименов Р.И. Воспоминания. Ч.2 // Документы по истории движения инакомыслящих. Ред. серии Митрохин Н. Вып. 6. М., 1996. С. 395.
51. Лерт Р. Указ. соч. С. 312.
52. Подробнее см.: Шубин А.В. Истоки Перестройки. М., 1997. С. 209—221.
53. «Просопограф». База данных информационно-экспертной группы «Панорама». Составитель В.Прибыловский; Кто есть кто в современной России... С. 727.
54. Цит. по: Лакер У. Указ. соч. С. 112—113.
55. Там же. С. 157.
56. Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 88—89.
57. Померанц Г. Выход из транса. С. 240.
58. Померанц Г. Сны Земли. С. 22.
59. Yanov A. The Russian Challenge and the year 2000. Basil Blackwell. 1987. P. 80.
60. Померанц Г. Цена отречения // Сахаровский сборник. М., 1991. С. 88.
61. Морозов Д.В. Беседа с автором 7 сентября 1996 г.
62. Там же.
63. 15 встреч в Останкине. С. 18—19.
64. Там же. С. 25—26.
65. Там же. С. 95.
66. С миротворческой миссией в США. Интервью с митрополитом Ювеналием // Новое время. 1984. № 25. С. 14.
67. Урушадзе Г. Указ. соч. С. 220—221.
68. Там же. С. 214.
69. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 17—19.
70. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 381; История русской православной церкви. 1917—1990. М., 1994. С. 192.
71. Мень А. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. М., 1995. С. 596.
72. Составлено по: Масленникова З. Жизнь отца Александра Меня. М., 1995.
73. 15 встреч в Останкине. С. 96.
74. Там же. С. 96—97.
75. См., например: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984.
76. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 28.
77. Пятигорский А. Реакция философии на тоталитаризм // Независимая газета. 1994, 31 декабря.

78. Сам Мамардашвили во многом отталкивается от философских дискуссий в Вене в начале века. Мамардашвили М. Вена на заре XX века // Независимая газета. 1991. 9 октября.
79. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998. С. 33.
80. «Просопограф», соб. инф.
81. Красиков С. Возле вождей. М., 1997. С. 452—453.
82. Кузьмин А.Г. Беседа с автором 26 сентября 1996 г.
83. См.: Национализм и ксенофобия в российском обществе. С. 37—38.
84. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 202—203.
85. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 145. Л. 3—4.
86. Там же. Л. 4.
87. Там же. Л. 7.
88. Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. М., 1992. С. 73; Россия. Партии, ассоциации, союзы, клубы. Сборник материалов и документов. М., 1992. Кн. 5. С. 86; Национализм и ксенофобия в российском обществе. С. 41—43.
89. Национализм и ксенофобия в российском обществе. С. 45.
90. Там же.
91. Световидов Д. Беседа с автором 11 октября 1995 г.
92. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 273.
93. Цит. по: Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 61.
94. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 363—364.
95. Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 163.
96. Там же. С. 66.
97. Медведев Р. Будущее зависит от нас самих. С. 4—6 // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В. М., 1984. Архив Шубина А.В.
98. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Л., 1990. С. 5. Биографические данные по: Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове. М., 1996.
99. Там же. С. 7.
100. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. С. 41.
101. Там же. С. 46.
102. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. С. 8.
103. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 144—145.
104. Там же. С. 89—90.
105. Там же. С. 41—42.
106. Там же. С. 41—45.
107. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 169.
108. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. С. 39.
109. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 139.
110. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 89.
111. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека; Сахаров А.Д. Тревога и надежда.; Сахаровский сборник.
112. Белоцерковский В. Самоуправление. М., 1990.
113. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 177.
114. Вести из СССР. Munchen. б.Д. Т. 1. С. 86.
115. Лерт Р. Указ. соч. С. 315.
116. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 173.
117. «Просопограф».
118. Буковский В. Указ. соч. С. 352.
119. Гефтер М.Я. Я из тех и этих лет. М., 1991. С. 116; Волков П. Указ. соч.
120. Цит. по: Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 116.

121. См., например: Буковский В. Указ. соч. С. 118.
122. «Лабиринт».
123. Кудюкин П.М. Беседа с автором 23 сентября 1994 г.
124. Вести из СССР. Т. 1. С. 44.
125. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 312—314; Кудюкин П.М. Беседа с автором.
126. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 252—254.
127. «Просопограф».
128. Алексеева Л. Указ. соч. С. 271.
129. Неделя (Израиль). 13.09.1994.
130. Там же.
131. Там же.
132. Там же.
133. Вести из СССР. Т. 1. С. 61.
134. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М., 1997. С. 13
135. Василевский А. Беседа с автором 26.06.1998 г.
136. Василевский А.А. Беседа с автором 7 октября 1996 г.
137. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 246—247, соб. инф.
138. 300 полит. Соб. инф.
139. Гурболиков В.А. Беседа с автором. 21 апреля 1998 г.
140. Исаев А.К. Беседа с автором.
141. Там же.
142. Гурболиков В.А. Беседа с автором.
143. Там же.
144. Архив Шубина А.В. Ф. 1986—1987. К вопросу об ушах.
145. См. Шубин А.В. Истоки перестройки. С. 170.
146. Исаев А.К. Беседа с автором 20 апреля 1998 г.
147. Анатомия бюрократии. Архив Шубина А.В. Ф. 2.
148. Культ личности Сталина... Архив Шубина А.В. Ф. 2.
149. И зачем им это надо? Архив Шубина А.В. Ф. 2. С. 2.
150. Там же. С. 3.
151. Социализация. Архив Шубина А.В. Ф. 2.
152. Социализация, обобществление... Архив Шубина А.В. Ф. 2.
153. Цоппи В. Голос из Океании // Новое время. 1984. № 5. С. 16.
154. Там же.
155. Анализ и формирование организационной структуры промышленного предприятия. Новосибирск, 1983. С. 3.
156. Урушадзе Г. Указ. соч. С. 179.
157. Адамович А. Мы — шестидесятники. М., 1991. С. 61.
158. Там же. С. 69, 80.
159. Кречмар Д. Указ. соч. С. 152.
160. Адамович А. Указ. соч. С. 48.
161. Там же. С. 51.
162. Там же. С. 81—82.
163. Кто есть кто в России... С. 18—19.
164. Цит. по: Адамович А. Указ. соч. С. 24.
165. Шахназаров Г. Логика ядерной эры // Век XX и мир. 1984. № 4. С. 9, 14.
166. Кто есть кто в России... С. 728.
167. Громько А. Указ. соч. С. 154, Ломейко В. Беседа с автором 12 декабря 1997 г.
168. Кто есть кто в России... С. 21.
169. Потапов Н. Мир человека и человек в мире // Правда. 1981. 16 февраля.

170. Коротич В. Ненависть. М., 1983. С. 2—3.
171. Там же. С. 30.
172. Кто есть кто в России... С. 331—332, соб. инф.
173. Бурлацкий Ф. К. Маркс и современность // Новое время. 1983. № 23. С. 19.
174. «Лабиринт».
175. Поликарпов В. Восстанавливая контекст // Афанасьев Ю. Я должен это сказать. М., 1991. С. 13.
176. Гришин В.В. Указ. соч. С. 315.
177. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 286. Л. 16.
178. Например, предложения Академии наук к XXVI съезду КПСС. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 122.
179. Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 324.
180. Там же. С. 325.
181. Афанасьев. Ю. Указ. соч. С. 15.
182. Там же. С. 19.
183. Там же. С. 19—20.
184. Там же. С. 20.
185. Там же. С. 21.
186. Герман А. Оказывается, вы — это вы... // Комсомольская правда. 1985. 1 июня.
187. Афанасьев. Ю. Указ. соч. С. 23—24.
188. Там же. С. 23.
189. Там же.
190. Там же. С. 30.
191. Там же.
192. Там же. С. 24.
193. Там же. С. 28.
194. Там же. С. 29.
195. Там же. С. 31.
196. Там же. С. 31—32.
197. Там же. С. 32.
198. Там же. С. 33.
199. Там же. С. 33—35.
200. Там же. С. 34.
201. Международные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Вып.1: доклады 1993—1994 гг. М., 1994. С. 50.
202. Коммунист. 1985. № 10.
203. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 336.
204. Цит. по: Кузнецов Ф. Указ. соч. С. 225.
205. Черняев А. Указ. соч. С. 51.